

Захаревич А. В.

Кандидат исторических наук (г. Ростов-на-Дону).

**Пребывание под судом командиров донских казачьих полков на
Кавказской линии в 1801 – 1805 гг.**

Вышедшая недавно книга А.Г. Шкварова, хотя и изданная в Финляндии [1], навлекла меня на мысль, что были преступления, совершаемые донскими казаками, не только на западе, но и на юге, на Кавказской линии, с которой связана значительная часть материалов моего исследования: «Участие донского казачества в боях с горцами в оборонительный период Кавказской войны 1801 – 1816 гг.». Читая исследование А.Г. Шкварова, я невольно проводил параллели его данных с моими. Ведь, начиная с 1801 г., изрядное количество командиров, а сначала и почти все поголовно, на Кавказской линии находились под судом, обвиненные или справедливо, или облыжно, что было мною выявлено при работе над первой монографией, освящающей события на Северном Кавказе в 1801 – 1804 гг.[2]. Хотя у самого А.Г. Шкварова речь идет не столько о «военных преступлениях», как он пышно написал в подзаголовке своей монографии, а содержится, в основном, описание боевых действий, но мысль, раз посетившая меня при чтении его труда, уже не отпускала и вылилась в написание данной статьи. Причем, заранее уточняю, что все данные почерпнуты мною, в основном, из послужных списков полковых командиров, поэтому каких-то подробностей судебных дел, а иногда и приговоров по ним, здесь сообщить не будет возможности. Это будет простой синодик содержавшихся под судом, а не детальное рассмотрение их дел, за редким исключением, если по данной персоне удалось набрать хоть какой-то больший материал. Касательно Кавказской войны по данной проблеме какой-либо историографии нет ни в

юридическом, ни в историческом плане. Поэтому данная работа – **первая ласточка**.

Как нам известно, с 1799 г. на Кавказской линии находилось пять донских полков: генерал-майора Н.П. Кульбакова (он же походный атаман - А.З.) занимал кордон при Константиногорской крепости между Кубанью и Малкою от поста Беломечетского до Кумского штерншанца; полк полковника В.А. Быхалова 1-го занимал пост Танцвецкий и на 40 км. Вперед к земле абадзехов; полк подполковника И.И. Горбикова занимал посты по Кубани от реки Невинки до Недреманного ретраншаменты, где находился его штаб; полк подполковника Ф.П. Грекова 13-го (предлагаемая дислокация донских полков взята из труда полковника Генерального штаба И. Романовского, неправильно назвавшего порядковый служебный номер Ф.П. Грекова 9-м – А.З.) стоял по Кубани от редута Державного до крепости Кавказской, где находился его штаб; полк майора П.И. Рябинина – при Усть-Лабинской крепости и по Кубани от Романова брода до Изрядного источника [2, с. 93; 3, с. XI-XIII].

Посмотрим, что в плане поставленной задачи нам дадут эти полковые командиры. Первый из них – походный атаман генерал-майор Н.П. Кульбаков. Его судьба трагична, т.к. после службы на Кавказе он более 15 лет провел под судом и следствием, не приняв участия даже в Отечественной войне 1812 г., хотя до этого был выдающимся командиром, получив чин генерал – майора в 27 лет по указу Павла I от 18 декабря 1799 г. [4, с. 360]. Походным атаманом на Кавказе он был назначен тогда же, а на Дон прибыл 17 июля 1802 г., завершив «термин» службы [5, л. 4].

Только начальный период кавказской службы он проводит добросовестно занимаясь служебными делами. Затем начинается «пора болезней», причем не очень понятно – фактических или фиктивных! Ибо в послужных его списках ни за 1802 г., ни за 1803 г. сообщений о них нет. Судя по ним, он «безвылазно» пребывал на Кавказской линии. Только

послужной список есаула В.И. Миллера 2-го[6, лл. 88 об. – 93], бывшего штатным заместителем командира полка, командиров 2-й сотни, позволяет установить, что он многократно замещал походного атамана, который периодически уезжал на Дон поправлять свое здоровье на всем протяжении 1800-1802 гг. Сам В.И. Миллер себя называет в своем послужном списке «настоящим полководцем» [Там же].

Главкомандующий на Кавказе в то время генерал-лейтенант К.Ф. Кнорринг 2-й сыграл зловещую роль в событиях на Кавказе в царствование Павла I. С его именем связано и присоединение Грузии к России в 1801 г., и развал властных структур в регионе, оплетенных взяточничеством и казнокрадством, приведшими в 1802 г. чуть ли не к восстанию в Грузии, направленному уже против России. Его удалось избежать, только сместив самого К.Ф. Кнорринга за злоупотребления осенью 1802 г.[7, с. 300; 8, с 599]. Поэтому не совсем понятно стремление А.Г. Терещенко подать его в «возвышенных тонах»[9, с.95-96]. Взятки К.Ф. Кнорринг брал со своим «подельником» П.И. Ковалинским, они именно этим прославились на всю Россию в 1802г.

Этой склонностью Кнорринга и воспользовался Н.П. Кульбаков, «озолачивая ручку» у командующего войсками, когда тот сквозь пальцы смотрел на отсутствие походного атамана на Линии. Поэтому-то в послужных списках Н.П. Кульбакова и не отражены его отлучки и «болезни»: ведь никто еще не знал, что главнокомандующий будет смещен – все казалось незыблемым. Причем новый император Александр I продолжал доверять Кноррингу, а тот был «пупом земли на Кавказе» и за определенную мзду давал послабления по службе. Поэтому все так спокойно и сходило с рук. А приезжая на Дон, Н.П. Кульбаков вместе с отцом, отставным полковником, «растил свой животы».

Войсковой атаман М.И. Платов, почти все время правления Павла I проведший в Петропавловской крепости и выпущенный оттуда только для

Индийского похода 1801 г., с завистью смотрел на то, как укрепляет свои экономические позиции новая верхушка Войска Донского. Ведь он стал атаманом лишь 12 августа 1801 г., после смерти 30 июля 1801 г. войскового атамана В.П. Орлова: для него были потеряны 5 лет, когда он тоже мог «растить свои животы». Новый атаман был злопамятным, но пока К.Ф. Кнорринг был в силе, не спешил вымещать зло на новых выдвиженцах покойного атамана. Но когда положение изменилось, можно было и поквитаться!

После того, как Н.П. Кульбаков прибыл 17 июля 1802 г. на Дон во главе пяти полков, которыми атаманствовал на Кавказе, его положение было надежным (ведь до 2 сентября 1802 г. К.Ф. Кнорринг еще был у власти – А.З.). Не трогал его М.И. Платов и далее, вплоть до марта 1803 г. Но затем вдруг всплыло дело, которому было уже 6 лет и которое почему-то в конце XVIII в., после окончания пребывания донских полков в Польше в 1797 г., не получило хода.

Кзаки бывшего полка его отца, а затем и его самого (это еще не кавказский полк, а тот что был в Польше – А.З.) не получили тогда жалования, а подали ко взысканию в марте 1803 г. Отца к тому времени не было уже в живых и отдуваться пришлось самому Н.П. Кульбакову. Ко всему этому ему припомнили и новые, кавказские, его вины. Общего долга невыплаченного жалования числилось за отцом 48 тыс. руб., а за ним самим – 19587 руб. 50 коп.[10, л. 259 об.]. Хотя виновной в невыплате жалования была казна, т.к. в конце царствования Екатерины II она оказалась пуста, но М.И. Платов придал делу такой характер, что «крайним» здесь оказался Н. П. Кульбаков. Войсковой атаман, очевидно, вспомнил, что после окончания Персидского похода в 1796 г., в 1797 г. он оказался в таком же положении, когда казаки 1-го Чугуевского полка подали на него ко взысканию, что послужило поводом к 5-летнему его пребыванию в тюрьме. Теперь было на ком отыграться.

На покрытие этой суммы генерал-майор Кульбаков через посредника, генерал – майора А.П. Орлова 2-го, родного брата умершего атамана В.П. Орлова 1-го, в марте 1803 г. получил из экономического банка 25871 руб. 66 коп.[10, лл.259 об.-260]. Орлов 2-й здесь пытался защитить бывших сторонников своего брата, оказывая им помощь чем мог: естественно и Н.П. Кулбакову не к кому было обратиться, кроме как к нему. Но получив эти деньги, Кульбаков почему – то их не выплатил ожидавшим жалования офицерам и казакам, а держал их у себя. В «выколачивании» этих денег из него прошло время с марта 1803 г. по 26 октября. Эту акцию направлял М.И. Платов, председательствуя на заседаниях Войсковой Канцелярии. На все обращения Кацелярии к нему Кульбаков отвечал «обидными для нее изречениями» [10, лл. 260 об. – 261 - 261 об. – 262].

Но силы были слишком неравны, и при содействии полиции г. Черкаска опальный генерал-майор был выслан в Петербург, где был отдан под военный суд. Ему пыталась помочь мать, вдова Петра Кульбакова, Анна. Она отдала ему доверенность на продажу имений в Миусском и Черкасском начальствах в обеспечение суммы, которую он был должен казакам. Но Войсковая Канцелярия, руководимая М.И. Платовым, не посчитала ее законной, т.к. Петр Кульбаков умер, не оставив завещания, в котором бы сделал законной наследницей свою жену. Затем она уговорила поручиться по этой сумме полковников Ефремовых 1-го и 2-го. Но Канцелярия указала ей, что их поручительство тоже вынуждено ее махинациями, т.к. они не знали, что она не может распоряжаться этими именьями. Она спрашивала у Канцелярии, почему другие остаются законными наследницами своих мужей, а она нет? Канцелярия же ей резонно отвечала, что она имеет право только на $\frac{1}{4}$ часть имущества ее мужа, если он не оставил на нее завещания: а этого из имущества Петра Кульбакова явно не хватает в обеспечение долга его сына [4, с. 367].

Были и другие попытки помочь ее сыну, но все они отменялись Канцелярией, направляемой М.И. Платовым, которая вынесла решение, что надо ждать постановления суда в Петербурге [10, лл. 166 об.-167].

О самом суде документов найти не удалось, но стало известно, что осенью 1808 г. требуемые деньги Кульбаков все же внес в Государственную Военную Коллегию [11, л. 701], что дало ему возможность 12 апреля 1809 г. выйти в отставку [12, л. 45], т.к. денежных начетов на нем теперь не было. Мало того, положение его несколько улучшилось, ибо Платов уже не лично контролировал ход его дела, ибо был занят руководством донскими полками в войне с Турцией. Однако Войсковая Канцелярия продолжала выполнять установки войскового атамана, которые он ей присылал с берегов Дуная. Уход в отставку не освободил Кульбакова от пребывания под судом, ибо Канцелярия требовала, чтобы причитающиеся казакам и офицерам его полка деньги он раздал лично в присутствии штаб-офицера, выделенного для этой цели от Канцелярии. Н.П. Кульбаков считал это ниже своего достоинства, хотя к 1809 г. его дело в этом плане проходило уже не одно, а нашлось еще двое таких командиров – полковники Сулин и Мешков, которые, не кичась, и сдали деньги, и роздали их еще в том же 1809 г. [13, лл. 1580-1580 об.]. Его «гордость» длилась до 26 января 1813 г., когда Н.П. Кульбаков получил приказание выдать эти деньги в присутствии присланного от Войсковой Канцелярии подполковника Сидорова [14, л. 645 об.]. Очевидно, еще некоторое время ушло на само оформление выдачи, но к 1814 г. суд, вероятно, закончился, т.к. в 1816 г. генерал-майор Кульбаков числился уже не под судом, а «на лицо» [15, л. 2]. Затем он упоминается в числе отставных генерал-майоров в 1821 г., когда ему было уже 49 лет [12, л. 45]. Более о нем ничего не известно, даже год его смерти.

Под стать своему походному атаману оказались и командиры донских полков: полковник В.А. Быхалов 1-й за «беспорядки» в полку (в чем

выразились – не удалось выявить, равно как и их причину – А.З.) с января по декабрь 1800 г. находился под судом [16, л. 58], хотя затем был прощен Павлом I и возвращен на службу; подполковник И.И. Горбиков был тоже под судом и по его решению разжалован в рядовые казаки [17, л. 190]. В чем он обвинялся, обнаружить вообще не удалось – известен только результат суда. Подполковник Ф.П. Греков 13-й был тоже под судом (опять неизвестна суть обвинения – А.З.), часто болел и выезжал на Дон, умер в 1801г. в возрасте 57 лет [18, л. 29 об.].

Единственным, кто из командиров полков этого набора прокомандовал своим полком честно, без отлучек на Дон, был майор П.И. Рябинин. Связано это, очевидно, с тем, что он был не коренной казак, а происходил из дворян Воронежской губернии, числясь по г. Черкасску. Именно его полк, стоя на берегу Кубани, был грозой черкесов [19, лл. 236 об.- 239].

Кроме того, все остальные командиры, находясь под судом или болея, оставляли за себя заместителей, командиров 2-й сотни. Как известно, в полку походного атамана это был есаул Миллер 2-й, в полку Быхалова 1-го – есаул Кумшацкий, в полку Горбикова – есаулы Егоров и Антонов, в полку Грекова 13-го – есаул Боков [20, с.255-258]. Своим умением и отвагой среди этих есаулов выделялся только С.Я. Егоров, громивший закубанцев в районе Недреманного ретраншаменты. Он даже остался на второй «термин» службы на Кавказе, поступив во вновь прибывший на смену полку Горбикова полк Данилова 1-го, но, как ни странно, и он, служа уже в новом полку, когда стало «раскручиваться» дело Горбикова, 16 июня 1802 г. попал под суд [20, с. 255-257].

Получается, что нахождение под судом – «модная эпидемия» на Кавказе для донских командиров. Ее продолжил и подполковник П.В. Янов 2-й, прибывший с полком на Кавказскую линию 6 мая 1800г. С 11 февраля 1802 г. по 20 мая 1803 г. он тоже был под судом, обвиненный главнокомандующим на Кавказе генерал-лейтенантом К.Ф. Кноррингом 2-

м в невыполнении отданного им приказа. По счастью, П.В. Янову 2-му удалось по суду оправдаться [21, лл.74 об.-75], но так бывало редко, да и в послужных списках эта судимость за ним числилась до 1808 г., т.к. снималась только через 5 лет (как сообщил мне в свое время ныне покойный Н.С. Коршиков –А.З.), независимо от исхода суда, что налагало определенную тень на честь офицера.

В силу того, что в 1800 г. на Линию прибыл только один полк, в 1801 г. их явилось не 5, как до этого было всегда, а только 4. Это были полки войскового старшины Я.Я. Табунщикова, войскового старшины А.Е. Егорова, подполковника П.П. Попова 3-го и Щедрова 2-го. 20 апреля 1801 г. они были расположены следующим образом: Табунщикова – за Константиногорской крепостью, Егорова – по Кубани, Попова 3-го – в Моздоке и Щедрова 2-го 15-16 мая выступил по Военно-Грузинской дороге в Грузию [22, лл. 8 – 8 об.; 48 – 48 об.]. Эти полки за время своего «термина» на Кавказе показали хорошую боевую работу и их командиры за все время под судом не были.

На смену ушедшим пяти полкам походного атамана Кульбакова 4 мая 1802 г. прибыл новый походный атаман полковник И.И. Кошкин, занявший кордон на левом фланге Кавказской линии от Константиногорска до Соленобродского поста, сменив полк генарал-майора Кульбакова. С ним прибыли полки войскового старшины И.Д. Фролова 2-го и войскового старшины А.Г. Данилова 1-го, сменившего полк Горбикова [2, с. 122]. Несколько позже, 31 октября 1802 г., прибыли с Дона еще два полка: войскового старшины А.И. Быхалова 2-го (расположился в Усть-Лабинской крепости) и войскового старшины В.А. Кутейникова 6-го.

Из перечисленных здесь командиров обращает на себя внимание войсковой старшина И. Д. Фролов 2-й. Его полк прослужил на Линии до 1805 г. Но судьба полкового командира сложилась трагически. По

сообщению годового «Отчета» за 1805 г. о состоянии Войска Донского сам И.Д. Фролов 2-й, 2 офицера из его полка и полковой писарь были оставлены на Кавказской линии «по полковым претензиям» [23, л. 9 об.], т.е. отданы под суд, а в «Отчете» за декабрь 1805 г. стоит следующая пометка: «Убыло: померло – бывший под судом на Кавказской линии при Суздальском мушкетерском полку старшина Фролов 2-й» [23, л. 1 об.]. Судьба остальных офицеров и писаря его полка неизвестна.

Однако есть и другие сведения о его судьбе: из «Отчета» за февраль 1806 г. мы узнаем, что судился он за удержание казачьих денег, но зато из него же явствует, что он числился еще живым и суд теперь вершило над ним Аксайское начальство на Дону [24, л. 29]. Остальные командиры, прибывшие на Кавказскую линию в 1802 г. под судом не находились, а А.И. Быхалов 2-й в 1804 г. умер в Усть-Лабинской крепости. Мы не будем здесь указывать тех штаб-офицеров, которые прибывали на смену умершим, т.к. даже если с их прибытием по их фамилии менялось и название полка, они под судом в перечисленных полках не состояли и для нашей темы ничего показательного не дают.

Стоит указать, что о присылке донских казачьих полков на Кавказ в 1803 г. документы не сохранили сведений: очевидно, ее вообще не было. Их формирование и интенсивная присылка на Кавказскую линию происходят летом и осенью 1804 г., в связи с разгорающимися восстаниями в Осетии и Кабарде. Мало того, для действий в Осетии прибывает новый походный атаман, т.к. в это время И.И. Кошкин 1-й заболел и все время просил его сменить. Им был уже знакомый на по службе на Кавказе в 1799-1802 гг. полковник В.А. Быхалов 1-й. Показательно то, что по возвращении на Дон после первой службы на Кавказе, 18 июля 1802г. он был назначен в Аксайском сыскном начальстве начальником учрежденных тогда в Войске Донском нижнего и верхнего судов, на каковой должности находился до 1 мая 1804 г. [2, с.151].

Получается, что М.И. Платов, назначая его на эту должность, проявил своеобразную логику: сам был под судом, а теперь суди других! Что Быхалов 1-й преспокойно и делал, а в послужных его списках до 1805 г. значилось, что он был под судом...

Вместе с ним прибыли полки войскового старшины А.И. Аханова, войскового старшины Н.В. Грекова 20-го (в 1804 г. ему исполнилось 64 года – А.З.), подполковника Е.С. Крюкова 1-го и войскового старшины Ф.М. Персиянова, войскового старшины М.С. Агеева 3-го. Осенью 1804 г. прибыли еще три полка: подполковника Н.А. Сидорова 1-го, подполковника П.П. Ребрикова 2-го и войскового старшины Е.М. Ежова 1-го, а в самом конце года – полк войскового старшины И.М. Агеева 2-го. Мы здесь специально не делаем никаких ссылок на архивы и публикации, т.к. упомянутые штаб-офицеры в период службы на Кавказской линии под судом не состояли. Из них под суд попал впоследствии только подполковник П.П. Ребриков 2-й, но это было уже в Грузии и к теме нашей статьи не может относиться.

В конце 1804 г. на Кавказскую линию прибывает еще и 2-я Донская конно-артиллерийская рота полковника А.А. Карпова 2-го, находившаяся там около полугода. Естественно, ее командир под судом тоже не был.

Мы перечислили всех командиров полков для того, чтобы вывести процентное отношение состоявших под судом из них, чтобы ликвидировать представление о том, что на Линии отбывали свои «термины» только провинившиеся штаб-офицеры Войска Донского. Да, это не был цвет казачества! Да и походными атаманами после генерал – майора Н. П. Кульбакова здесь были полковники, а то и подполковники. Но это не значит, что здесь служила только «рвань». Чего стоит один В.А. Быхалов 1-й, который за бои в Осетии в 1804 г. получил орден Св. Владимира 4-й степени, а за экспедицию в Чечню в 1807 г. – орден Св. Анны 2-й степени, хотя генеральского чина не заработал даже в

Отечественную войну 1812 г., так и умерши в полковниках в 1815 г. Война с Наполеоном для него ознаменовалась тем, что он стал кавалером ордена Св. Георгия 4-й степени, но в чинах он больше не продвинулся. Как ни странно, его стали путать, и делают это до наших дней, с умершим в 1804 г. в Усть-Лабинской крепости А.И. Быхаловым 2-м [2, с. 96]. Очевидно, тут сыграла определенную роль ненависть М.И. Платова к Н. П. Кульбакову, под командованием которого и находился В.А. Быхалов 1-й в начале оборонительного периода Кавказской войны до 1802 г., отзвуки которой последний испытывал до самой своей смерти...

Что же получается в итоге. Из 28 командиров полков и офицеров, исполняющих их обязанности, под судом за период 1801-1805 гг. находилось всего 7, что составляет всего 25%, т.е. четверть командного состава, что вполне нормально для действующих частей. Основное преступление, которое они совершали на то время – это невыплата при роспуске полков заслуженного казаками «третнего» жалования. Через это прошли в свое время и сам М.И. Платов, и Н.П.Кульбаков, и И.Д. Фролов 2-й. Что из себя представляли преступления других – из документов известно или в общих чертах («возмущение» в полку В.А. Быхалова 1-го, невыполнение приказа К.Ф. Кнорринга П.В. Яновым 2-м, за что он, кстати, был оправдан – А.З.) или вообще не известно. Но все это не выходит за рамки общеармейских преступлений, не делая донцов какими-то выдающимися преступниками того времени. На будущее хочется заметить, что данная проблема должна скорее захватить не историков как таковых, а историков, занимающихся вопросами истории права, а то и чистых юристов, которые смогут более детально разобраться в поставленной проблеме.

Литература

1. Шкваров А. По закону и казачьему обыкновению. К вопросу о «геноциде и военных преступлениях» казачества в Финляндии во время шведско – русских войн XVIII - XIX вв. RME Group Oy. Хельсинки, Финляндия, 2008.
2. Захаревич А.В. Донские казаки в боях с горцами на Северном Кавказе на начальной фазе оборонительного периода Кавказской войны (1801-1804 гг.). Ростов-на-Дону, РГПУ, 2005.
3. Кавказ и Кавказская война. Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 году Генерального Штаба полковником Романовским. СПб, 1860 (приложения).
4. Захаревич А.В., Золотухина А.В. Борьба элиты и контрэлиты на Дону в конце XVIII – начале XIX вв. на примере генералов М.И. Платова и Н.П. Кульбакова. // Казачий сборник. Вып. 3. Ростов-на-Дону. ДЮИ, 2002.
5. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 71.
6. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 76.
7. Потто В.А. Кавказская война. Т. 1. От древнейших времен до Ермолова. Ставрополь, 1994.
8. Катин – Ярцев М.Ю. Кнорринг. // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 1.- М., 1996.
9. Терещенко А.Г., Черненко А.Л. Российские немцы на Юге России и Кавказе. Энциклопедический справочник. Ч. 2-я.- Ростов-на-Дону, 2000.
10. ГАРО, ф.341, оп. 1, д. 309.
11. ГАРО, ф.341, оп. 1, д.517.

12. ГАРО, ф.344, оп. 1, д. 300.
13. ГАРО, ф.341, оп. 1, д. 548.
14. ГАРО, ф.341, оп. 1, д. 562(а).
15. ГАРО, ф.341, оп. 1, д. 254.
16. ГАРО, ф.344, оп. 1, д. 71.
17. ГАРО, ф.344, оп. 1, д. 73.
18. ГАРО, ф.341, оп. 1, д. 230.
19. ГАРО, ф.344, оп. 1, д. 81.
20. Захаревич А.В. Новое об участии донского казачества в начальный период Кавказской войны (1801 – июнь 1802 гг.) //Казачий сборник ДЮИ. Изд.2-е – Ростов-на-Дону, 1998.
21. ГАРО, ф.344, оп. 1, д. 82.
22. РГВИА, ф.482, оп. 1, д. 145.
23. ГАРО, ф.344, оп. 1, д. 121.
24. ГАРО, ф.344, оп. 1, д. 131.